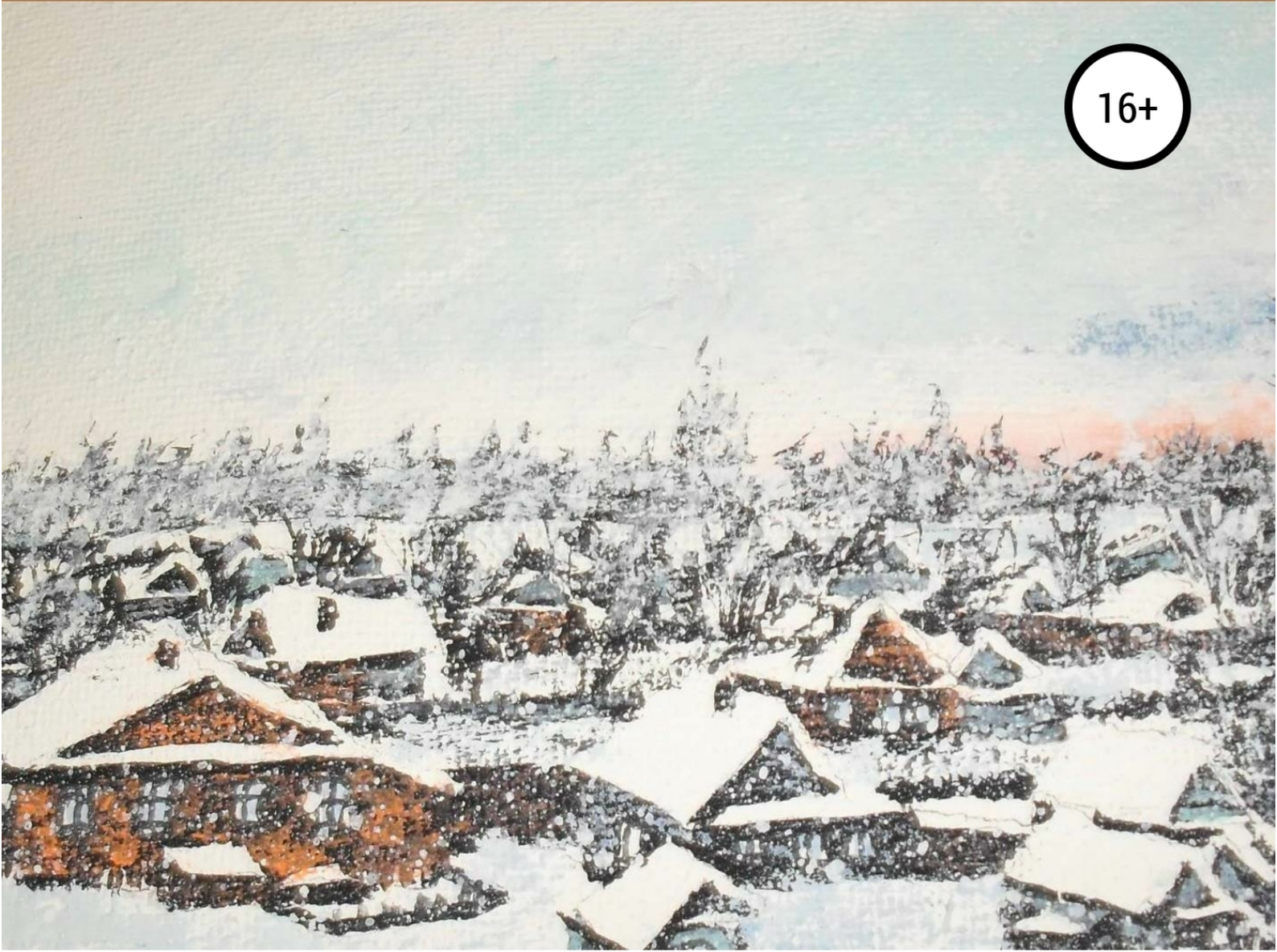

Светлана Морозова

16+

Покаяние.
Наследие

Светлана Морозова
Покаяние. Наследство

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Морозова С. П.

Покаяние. Наследство / С. П. Морозова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Книга «Покаяние» рассказывает о взаимоотношении родных людей разного поколения. О жизни, долге, любви, ответственности друг за друга. Как ведут себя в экстремальных ситуациях мать и дочь, вынужденные жить вместе из-за необходимости ухода за престарелой матерью? Когда возникают и решаются конфликты. «Наследство» продолжает историю семьи. Взаимоотношения родных, которых постигло время делить наследство, доставшееся от умерших родных. Как меняются их взаимоотношения? Как они реагируют на это из меркантильных интересов? Меняются их отношения в зависимости от личных качеств. В иллюстрации книги использована картина автора Светланы Морозовой.

Содержание

Покаяние	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Покаяние

С 1987 года в Усинске – городе Всесоюзной ударной комсомольской стройки в Коми АССР, который строился после открытия новых месторождений нефти, до 1986 года я работала главным архитектором города. В 1987 году вышла замуж за Льва Морозова, а в 1994 году мы выехали с Севера в Балахну на Волге, где жила его мать. Деньги от проданной при переезде из Усинска моей собственной квартиры ушли на покупку квартиры в Балахне и на бизнес – челночили с серебром. Я была уже на пенсии. Мать Левы жила в двухкомнатной сталинке, на которую она во время приватизации оформила дарственную Леве. А когда мы в Балахне купили себе квартиру, старуха вскоре предложила продать ее, купить ей однокомнатную, а нам переехать в ту, где она жила и которая принадлежала Леве. Квартира эта была лучше нашей, и мы переехали, продав свою.

Лева тогда обещал на квартиру написать мне дарственную, что было бы справедливо. А я доверяла ему, поэтому не сообразила это сделать одновременно с покупкой квартиры для его матери. А потом эта мамочка отговорила сыночка оформить дарственную! Возникла полоса отчуждения. Лева повел себя недостойно и бесчестно, и понимая, что я теперь все стерплю, спутался со смазливой молочницей, стал гулять пить, и вскоре ушел к ней, забрав овчарку Вальса, транжирил деньги от бизнеса, не отдавая мне ни копейки.

Это произошло как раз в тот момент, когда к нам приехала жить моя мама из Владивостока. Наступал дефолт, но я все же успела найти для нее квартиру, которую она купила. Понимая, что я проворонила свою квартиру и доказать все это в суде в то время беззакония и всеобщего раздора, было невозможно, а Лева с бабенкой пропивал деньги и гулял, я подала на развод и ушла жить к маме.

Это решение я приняла сознательно, посоветовавшись с мамой. Маме было уже 80 лет и мне надо было помогать ей, она больная, не могла одна справиться без моей помощи. Это было время кризиса конца 90-х. Квартиру Леве потом пришлось поменять на однокомнатную, он стал алкашом и не работал, оставив подругу. А так как с ним жил породистый восточник Вальс, то я подкармливала их, чтобы не дай Бог, Лева помер. Тогда мне бы пришлось забрать Вальса, а маме это бы не понравилось, да и справиться с большой собакой я бы не смогла, так как после травмы я уже хромала, а потом и с палкой ходила.

Каждое лето к нам из Питера приезжали сестра Лариса и ее дочка Юленька с маленьким сыночком Олегом. К тому времени Лариса уже работала, получив диплом экономиста, а Юленька, закончив университет, работала переводчиком английского в разных фирмах по связям с зарубежными компаниями. Красивая, уверенная в себе и умная, она ушла от мужа и вернулась жить к Ларисе. Свободно меняла место работы, если ее что-то не устраивало, смело осваивая новое, это давало возможность быстро трансформироваться в новых условиях и расти. В результате своей креативности она достигла высокой квалификации. Благодаря знанию языков и способностям в освоении менеджмента любого профиля успешно строила карьеру. Сыночка воспитывала одна, без мужа, с которым связи не прерывала, он помогал материально.

Жить им было непросто. Лариса на все имела свое мнение и Юленька, тонкая натура, частенько страдала от волевого давления Ларисы. Могла и всплакнуть, так как Лариса предпочитала настаивать на своем. Высокооплачиваемая работа позволила Юленьке по ипотеке купить квартиру, и они с Олегом стали жить от Ларисы отдельно. Ежегодно отдыхали на море в Болгарии и Греции. Она оказалась прекрасной матерью и воспитывала Олега, обеспечивая ему хорошее образование, приучила к занятиям спортом. А Лариса, работая в разных фирмах, хорошо зарабатывала, купила дачку и ездила в отпуск по миру. Она любила путешествовать,

и еще надеялась найти мужа-иностранца. Поняла в конце концов, что на наших русских добрых дур падают не олигархи и принцы, а разные ушлые проходимцы, и что из-за этих поисков можно влипнуть в такое дерьмо, что мало не покажется, поиски прекратила и порадовалась, что еле ноги унесла от очередного авантюриста.

Когда к нам с мамой приезжали летом Лариса с Олегом или Юля с Олегом, я видела, как они меняются. Юленька меня радовала своей самостоятельностью, карьерным ростом, уверенностью в решении жизненных вопросов и оптимизмом. А Лариса, всегда раньше немного робкая, обрела уверенность, как мне казалось, с несколько завышенной самооценкой. У нее появилась какая-то плохо скрываемая раздражительность и даже безапелляционность, чего раньше не было. Мы иногда ссорились, и мама, видя это, огорчалась, стараясь не вмешиваться, не раздувать страсти.

Живя с мамой, я испытывала недостаток в деньгах, пенсия мамина была маленькая, надо было учиться экономии, хотя моя пенсия была вдвое больше ее, северная. Я за эти годы не смогла себе купить ничего нового, только секонд-хэнд, осталась только дорогая одежда и обувь, купленные Левой в Польше. Лариса купила маме два финских пальто, а Юленька подарила мне красивое манто из Греции. А я дарила им свои картины.

Так и жили, изредка встречаясь. В 2009 году мама умерла, и пришло время подавать документы на вступление в наследство. Я это оформила и сообщила Ларисе, чтобы она не медлила с подачей документов на наследство в течение полугода. А Лариса подала документы только почти через полгода до окончания срока. При этом я неожиданно узнала от нотариуса, что у Ларисы обнаружены ошибки в ее свидетельстве о рождении в ее и мамином имени. Несмотря на это, нотариус документы приняла, не известив меня об этом, и я не знала, что моя дорогая сестрица с этим свидетельством беспечно прожила шестьдесят один год, не понимая, как это может обернуться против нас, поставив под угрозу права наследования, так как ее свидетельство было как стена, разрушающая наше родство. А за полгода можно было решить вопрос! – неужели она думала, что документ пройдет? А нотариус приняла, зная, что у нас в судах по исправлению ошибок редко решаются вопросы положительно в пользу истца, когда это касается наследства. И получилось, что наше право на получение наследства с момента принятия недостоверных документов от Ларисы зависло! По закону нотариус не имела права регистрировать Ларисины документы как недостоверные, ей следовало честно, до принятия документов, предупредить об этом меня, вторую наследницу, чтобы мы могли принять меры против возможной потери доли наследства из-за этих документов! Тут явно просматривался недобросовестный умысел нотариуса. Я бы, предупрежденная об ошибках в документах, решила вопрос полюбовно. Соблюдая право Ларисы на часть наследства, оформили бы его отдельным договором дарения от меня и все! А меня поставили перед фактом риска изъятия ее доли наследства. Лариса, не посоветовалась со мной, ведь, не зная законов, можно так ошибиться, что все полетит коту под хвост! Я была в шоке, узнав, что Лариса за эти полгода еще и писала в Загс Башкирии об исправлении свидетельства, теряя время на ненужную переписку, так как никакой Загс не вправе менять документы, это делается только через суд! Лариса этого, конечно же, не знала и со мной не советовалась. Значит, не доверяла! И не сообщала, что мы ведь одной веревочкой связаны! Когда я узнала у нотариуса о том, что она приняла у Ларисы документы, не имеющие законной силы, я была потрясена. Ведь если бы я поторопилась вступить в права наследования, получив свою долю, то Ларисино право автоматически переходило государству и меня бы мигом заставили выкупить эту долю, забранную им у Ларисы. А так как я этого не могла сделать из-за отсутствия денег, меня бы вытряхнули в коммуналку! Я бы конечно обратилась в суд и привлекла к ответственности нотариуса, но это же бодряга бесконечная, и неизвестно чем бы кончилось при нашей несовершенной судебной системе. А то, что мне светило, мало не покажется! – это, была бы для меня катастрофа, благодаря любимой сестричке. Надо же изучить закон, чтобы ненароком не навредить другим!

Узнав об ошибках в свидетельстве, я уговорила Ларису немедленно подать в суд, чтобы с участием родных и близких свидетелей решить вопрос. А она валандалась с судьей, не советуясь со мной и неумело защищая свои права. Надо было просто представить свидетельства родных, которых тогда было трое – я, мамина сестра, ее подруга и письма наши. А судья требовала у нее мамино свидетельство о рождении! – а на хрена оно ей надо, если есть свидетельство о смерти! – разве что затянуть процесс? Потом судья потребовала написать в Красноярский край, где мама родилась! – а кто там чего найдет за девяностолетней давностью?! Столько переездов маминой семье пришлось перенести! – где они только не жили, скитаясь по Хакасии и прячась от репрессий? – поиски вели в никуда. Я бы такого не допустила, с самого начала подключившись! Когда я об этом узнала, стала искать в маминых документах ее свидетельство о рождении. И не могла найти, а оно было! Я ходила с мамой в суд с этим свидетельством, когда надо было исправить ошибку в ее документах о пенсии. Не найдя дома свидетельство, я подумала, что я его в суде оставила. Обратилась в суд, где мне категорически отказали в поиске, сказали, что документы за давностью времени в других архивах, их не найти. И я ушла ни с чем, не сообразила сказать Ларисе, чтобы запрос был от судьи, ей бы не отказали. Кроме того у судьи уже были подтверждения свидетелей о том, что мы сестры и мама у нас одна! – чего еще надо?

Когда пришло время вступить в права наследования, я фактически уже приняла наследство, живя в квартире, поэтому не поспешила оформлять его, понимая, что не следует этого делать до решения Ларисино вопроса! И правильно! Лариса меня снова огорошила! – она звонила нотариусу, чтобы отказаться от своей доли наследства в мою пользу. Хорошо, что нотариус ей, наконец-то не решилась без согласования со мной принять это заявление. Она объяснила ей, что ее доля по закону не может перейти мне, так как она не имеет законного права на долю наследства и ее доля в случае отказа перейдет государству. Но и тогда нотариус опять не сообщила мне о том, что Лариса хотела отказаться от своей доли в мою пользу! Хорошо, что я не торопилась оформлять документы на вступление в права на свою долю без участия Ларисы, пока она мне не сообщила о желании передать свою долю мне!

Вот тогда-то я и позвонила нотариусу:

– Наступило наше право вступить в наследство, хочу уточнить, я могу им воспользоваться в любое время?

Она ответила:

– Вы можете уже сейчас оформлять документы на вступление в свою долю наследства. При этом опять не сообщила о риске потерять полквартиры в пользу государства!

И я ее добила, спросив:

– А сколько я могу я могу не оформлять свое право?

– Когда захотите, тогда и оформите, срок не ограничен.

Вот тут-то я ее и обрадовала:

– Вот этого ответа я и ждала, сама зная об этом! Буду жить спокойно как наследница по факту, без оформления! – хоть до смерти! Не надейтесь! – шиш Вы получите Ларисину долю, пока суд Питера не исправит ошибку в ее свидетельстве. Я не дам Вам возможности отхватить у нас полквартиры, буду ждать до победы!

Судья в Питере, наконец-то удовлетворила Ларисин иск и выдала ей исправленное свидетельство о рождении. А я узнала кое-что интересное. Еще когда судья присылала мне рассмотреть документы, чтобы засвидетельствовать о том, что мы сестры, к ним была приложена копия вырезанной Ларисой части из маминого письма, где был текст с началом письма и далее – «Светлана жестокий человек...», и опять далее письмо обрезано. Такой вот интересный кусочек письма выбрала моя сестрица из множества писем мамы. Получалось, хотела показать, что я, мол, не вполне достойная наследница! А что за жестокость мама имела в виду – отрезано,

значит не такая уж жестокая я? – так, ерунда какая-то! А Лариса представила меня злодейкой! Ай да сестрица, ай, да молодец!

А после ответа из Красноярского края, что из-за давности срока документы найти невозможно, судье пришлось согласиться, что доказательств и так хватает от свидетелей и родных. Полгода валандалась, хотя все и так было понятно, достаточно было свидетельства о смерти, и на фиг свидетельство о рождении? Мозгопудренники – судья и нотариус, может, взятки хотели? – шиш, вам!

Осенью мы вступили в наследство. Лариса приехала только на два дня, любезно предоставив мне одной оформлять документы. И мне стало ясно, что после смерти мамы я сирота, с родными из Питера мы больше не встретимся. Я им не нужна! Когда я написала тетке Нине и маминной подруге Леле-Дусе, что Лариса в страшной обиде на меня, они объяснили просто:

– Тоня писала, что они ездили и уговаривали ее написать дарственную на Юлю. А Тоня не хотела тебя оставить без жилья. Теперь чего ездить-то – вопрос решен! Не жди – не приедут!

После смерти мамы я спросила Ларису, будет ли она оплачивать ту долю в ЖКХ, что положено по закону. Этот вопрос ее просто обидел. А мне надо было просто знать – как платить-то, не хочет – буду платить одна. Чего обижаться?

Она всегда считает, что я ей все что-то должна. Интересное дело! – я ухаживала за мамой и помогала, деньги не считала, мы одна семья. Кризис пережили страшный, Лариса тоже послала маме деньги, так ведь после продажи своей квартиры во Владивостоке мама ей дала тысячу долларов, Лариса отдавала ей долг.

А я еще три года тратила деньги на суды по осквернению маминной могилки, не пикнув о помощи с ее стороны. Мне было ножом по сердцу, когда одна мерзавка проложила тропу по маминной могилке, расширив могилу своего родственника незаконно. Суд я проиграла, иск надо было предъявить этой тетке, а не новому владельцу кладбища, судья намекала заменить ответчика, а я не сообразила и проиграла. Суд был уже потом в Мурманске по месту жительства ответчицы, куда я не могла поехать по здоровью, а продолжать дальше, подавать апелляцию и обращаться выше не хватило сил, отступила. Документов, подтверждающих мою правоту, было достаточно. Юрист прежнего владельца кладбища была на моей стороне. Но новый владелец кладбища письменно сообщил в суд Мурманска, что нарушения устранены. Этого не было, негодяю поверили и я проиграла. По слухам это был еще тот прохвост, факт, что тетка его подкупила! – все шито белыми нитками.

Ларису осквернение могилки мамы не беспокоило, а я не просила присоединиться к расходам, решила сама все сделать, тратила деньги и нервы.

Заказала крест дубовый с фотографией, цветник с оградкой и мне все установили, сместив могилку на законное место. Заплатила более десяти тысяч рэ за работы, смотрителям кладбища по уходу за могилкой выдала по две и успокоилась – больше сердце не болело! С тех пор с фотографии на кресте молодая мама улыбается мне.

А тетка подала на меня встречный иск, якобы я из мести осквернила памятник на могиле ее матери, проиграла, и обратилась с иском о переносе маминной могилки, так как она ей мешает! – вот сука! Разбирался с этим делом судья, которого тетка разозлила своей наглостью и непониманием того, что это она должна убраться от могилы мамы. Иск она проиграла. А я вдруг вспомнила про маминное свидетельство о рождении. Судья оказался мне таким толковым умнягой, что я попросила его добыть его для меня. Я была уверена, что оно точно осталось в архиве. Судья получил оригинал свидетельства, снял копию, а мне передал оригинал. Ай да Светка! Чтобы я чего-то не добилась? – да я горы сверну!

Когда я изучила это свидетельство, потемневшее, но вполне читаемое, то поняла, почему его не нашли. Оно было выдано в тридцать седьмом году, когда понадобилось маме для получения паспорта. Там была печать загса на Андреевском прииске, где мама в то время работала.

А мне было важно его найти. Знала, что придется доказывать еще и наше с Ларисой право на наследство маминой сестры Нины.

Через два года я приехала к ней. После смерти мужа она, сердечница, постоянно болела и ее подруга врач Нина Казимировна в начале января позвонила мне:

– Нина плохо чувствует себя, мы ее подлечили, но одной ей сейчас плохо. Если можешь, приезжай пожить некоторое время с ней.

А я в это время решала дела по изданию книги. И на улице ходила с двумя палками, моя болезнь не хотела отступать. Сомневалась, смогу ли перенести в поезде трехдневную дорогу с пересадками без необходимых процедур и упражнений, да и у Нины будет непросто. Но никого это не беспокоило. Больна-не больна, не важно, беги на помощь! Нине Казимировне я сказала:

– Мне сейчас не очень-то удобно ехать, да и с деньгами туго, ремонт делала. А может Лариса приедет?

– Да Нина ее не хочет, ждет тебя. Может, я вышлю денег на дорогу, потом отдашь?

– Ну, ладно, постараюсь отложить дела.

Что думать-то, надо ехать, раз Нине плохо. Нина Казимировна выслала деньги, и я отправилась в дорогу. Заодно и друзей-сокурсников навещу в Усть-Каменогорске. Ехать надо было с пересадкой в Новосибирске, где я провела на скамейке в зале ожидания целую ночь и отправилась в советском вонючем плацкартном вагоне в Усть-Каменогорск. Меня встретили сокурсники Стрельчиха и Саша Мегидь. Я побывала у них пару денечков и поздно вечером поездом отправилась в маленький городок Зыряновск, где жила Нина.

Поездка была интересной. Перед этим по ТВ узнала, что самым продвинутой страной после развала Союза среди бывших советских республик является Казахстан. Это меня удивило, было интересно сравнить жизнь в России и в Казахстане, где я до института жила в Зыряновске и Усть-Каменогорске, потом училась и работала в Алма-Ате, каждый год до перестройки ездила – маму навещала. То, что увидела, приехав сейчас, никак не совпадали с тем, что узнала по ТВ. Явно было! – отстают Казахстан, Россия далеко впереди казахов по качеству жизни даже в моей маленькой Балахне.

Рано утром добралась на такси от станции до Зыряновска. До этого Нине позвонила, что приеду в семь утра. Добравшись до дома, не могла открыть дверь с наборным кодовым замком, долго стучала в дверь и в окно Нининой квартиры на первом этаже. Уже не знала, что делать, но в окне спальни появился Нинин силуэт. Она открыла дверь и я вошла. Увидела перед собой маленькую тощую старушку с черными без седины волосами. Увидев меня, она отстранилась на шаг. Мои палки ее, как видно, ошеломили. Я оставила их, обняла ее и поцеловала, Она не проявила ответной теплоты и радости.

Я разделась и прошла на кухню. Ее неулыбчивые глаза настороженно рассматривали меня. Я, не выспавшаяся в холодном вагоне и уставшая, хотела чаю. Не дождалась, пришлось попросить. Нина выставила вазочку с сухим печеньем и конфетами. Меня явно не ждали как дорогую гостью! Мы поговорили, причем говорила только я, заполняя паузы, так как она не проявляла ко мне интереса. Я расспросила о здоровье и ничего не стала рассказывать о себе, ей это как будто было не интересно, все происходило вяло, буднично и сухо. Я была немного шокирована таким приемом. Видно, совсем больная старушка.

Пошла в ванну. Когда я езжу в гости к родным, не беру с собой халат и тапки, поэтому попросила их у Нины.

– А у тебя что, нет своих?

– Не люблю таскать лишнее.

Она порылась в шкафу и нашла летний ситцевый халатик, не подходящий для зимы, хотя там висел хороший махровый халат. Ну что ж, и за это спасибо! Тапки нашла старые.

В огромной двухкомнатной сталинке было неудобно. Стены на кухне и в огромном коридоре были оклеены еще в советское время клеенкой, которой застилали столы на кухнях, мно-

гие использовали ее вместо бумажных обоев, так как клеенку можно мыть. Эта клеенка была расписана синими по белому крупными клетками, в которых были нарисованы белые ромашки с черными бутонами. Это для меня, архитектора и художника было невыносимо жутким зрелищем, которое, как я не старалась, зацепляло мой взгляд, портя настроение. Стены гостиной и спальни в старых жутких коричневатых обоях с серебристым рисунком не добавляли радости, особенно потому, что я спала в гостиной, обращенной на северо-восток – зимой там было мрачно.

Зато было два холодильника, один в Нининой спальне, советский, другой – японский новый на кухне. Они были забиты свининой, бараниной, пельменями в заморозке, палками сырокопченой колбасы и трехлитровыми банками с соленьями трехлетней давности. То, что не входило в мой рацион здорового питания. Молочные продукты, овощи и крупы пришлось покупать и есть одной. Нина любила сырокопченую колбасу, которую она отваривала каждый день и ела. Творог, кефир и каши ее не интересовали, моя еда не привлекала, только чай со сладостями нас объединял. Я иногда варила борщ или супчик, который ей понравился.

Несовместимость вкусов не ограничилась отношением к еде. Мне приходилось выстраивать теплые отношения, но многие, казалось бы, мелочи, вызывали у Нины неприятие достаточно активное. В первую ночь, когда я стелила себе постель на диване, Нина притащила мне огромную подушку. На таких я не могу спать, сплю на маленькой японской, скрутила ее из полотенца. Реакция Нины была просто таки ошеломительной. Она была возмущена и оскорблена этим валиком, который я положила вместо набитой пухом необъятной подушки и долго настаивала, чтобы я спала на ней, очевидно считая это не только полезным, но и как признак игнорирования ее гостеприимства. Мой отказ от подушки переживала как большую обиду, такие были сильные эмоции. Вот такие дела!

Мы трудно притирались друг к другу из-за ее нежелания считаться с моими привычками, которые она считала недопустимо странными. Несколько раз беззлобно называла меня чеканутой и недоумком, говорила даже:

– Да ты стала совсем придурочная!

Приходилось улыбаться радостно и поддакивать:

– Ну что поделать, ну, придурочная я. Помню, ты меня и в детстве часто так называла за клоунские штучки, желание пошутить и повеселиться. Нина, милая, ты не изменилась за эти годы! До сих пор любишь знакомые ласковые словечки, которыми ты награждала меня и Сашу.

Я знала, она всю жизнь незыблемо верила в раз и навсегда что-то однажды принятое, как неизменное и единственно правильное. Поэтому не обижалась и не спорила, привыкла не удивляться ее ортодоксальной стойкости. Ну, что поделаешь, она такая, я – другая. Надо смириться, возражать себе дороже. Но все оказалось непросто. Я по привычке исправлять немедленно то, что не в порядке, попыталась кое-что отремонтировать. Хотела все сделать лучше и удобнее, но наткнулась на мощный отпор. Принимать душ было просто невозможно, ванна была не плотно приставлена к стене, вода стекала на пол, в душевой головке шланга до почти абсолютной непроходимости была заизвесткованы дырочки, краны текут, занавески нет! Какой душ? Я купила занавеску, позвала соседа Эрика, он просверлил и вбил гвозди, повесил занавеску, открутила головку от душевого шланга и на кухне стала чистить дырки, зашпаклевала цементом щели между стенами и ванной. Когда я этим занялась, Нина услышав, что я развернула бурную деятельность, появилась и яростно воспротивилась:

– Ты чего тут раскомандовалась, чего творишь-то? – ишь, хозяйничает как у себя дома. Ты эти штучки брось, здесь я хозяйка.

– Да ты что, Ниноля, я же как лучше, чтобы все нормально работало и не текло!

– Ты брось портить то, что десятки лет никому не мешало! Хозяйка нашлась! Тебя не затем сюда звали, чтобы ты тут все по-своему переделала.

– Так я мыться под душем не могу, головка шланга забита и все льется между стеной и ванной! Что плохого-то сделала? Все отремонтирую как надо! А насчет – чего приехала, так меня позвали на помощь, сказали – плохо тебе. Кстати, я что-то не заметила, что тебе так уж плохо! Вижу, вполне без меня обойдешься, так что могу и уехать! Меня дела ждут, а я все бросила ради тебя, помчалась на край света с пересадками, сама не вполне здоровая, многими процедурами пожертвовала. Не устраиваю – зови Ларису, я уеду.

– Ларису? – да нужна я им! Мы с Сашей Юлю так любили, а она ни одного письма не написала за все годы, только маленькой приезжала погостить у Тони. И от Ларисы кроме поздравлений писем не дожидаться было.

Все это она говорила при соседке. Я пыталась оправдаться, но заткнулась и, дочистив душевую головку, пристроила ее к шлангу, собралась и пошла на улицу, успокоиться. Соседка пыталась что-то робко вякнуть в мою защиту, но Нина на нее цыкнула, и она прекратила, чтобы не лить масла в огонь.

Я понимала, что все эти штучки называются болезнью. Все это было неприятно, настроение никакое. Какого черта я должна это терпеть? Все мне было некомфортно и невыносимо. Телевизор работал на казахском языке, с русских каналов дозированно выдавали новости, многое заметно искажалось цензурой. Книги, которые были у Нины, меня не интересовали, читать было нечего. Я затосковала. Да еще эти мелкие стычки! Я чувствовала себя как птица в клетке. И решила – не надо мне этого, не выдержу.

Нина была в достаточно хорошем состоянии, помощи не требовалось, сама справится со всем, Маша навещает ее каждый день, Нина Казимировна приходит. Уеду!

Вот что странное заметила еще! Я жила в Зырянске в юные годы, потом ездила к маме каждый год с севера, сейчас приехала, и, сколько помню – меня всегда после приезда тянуло уехать поскорее из этого города, я его не переносила чисто физически. И никогда не могла понять и объяснить этого постоянного желания мчаться прочь. Что это? – почему я рвусь отсюда. Всегда, когда я приезжала, дни в этом городе тянулись для меня всегда невыносимо томительно. Почему? И я поняла! Моя интуиция и особо развитая чувствительная способность, открывшаяся благодаря Доктору, учителю моему, позволили все понять и объяснить. Это – особая земля, местность которой отмечена природными аномалиями из-за залежей свинца и цинка, и это влияет на остро чувствительный организм, создавая почти депрессивное состояние. Он как палочка лозоискателя реагирует неприятием вредоносного излучения аномальной природы местности.

И еще я поняла, почему местные овощи так поражали меня своим внешним видом – корявые, узловатые клубни картофеля, свеклы, моркови и другие овощи были искажены не удобрениями, как могло бы казаться. Они были поражены вредоносным излучением местных недр. Шахты-то располагались прямо под городом, это мне рассказал один таксист. Мой организм это слышал и противился каждой клеточкой своей – бежать прочь, здесь опасно! Я это тонко чувствовала и стремилась вырваться отсюда.

Пришлось с Ниной поговорить и, сославшись на дела, которые меня ждали дома – договор о выставке картин и с издательством, я сообщила о решении возвращаться домой. Я пробыла в Зырянске две недели и больше не могла оставаться. Кроме того я здоровье мое требовало процедур и упражнений Доктора, которые было невозможно делать здесь. И настроение такое у меня никогда уже не бывало давным-давно. Нина осознала, что я ей нужна, Но мне надо беречь себя! И я уехала, пообещав приехать через некоторое время, когда ей снова понадобится помощь.

Поговорила с Ниной Казимировной:

– Скажите, как у Нины дела, какая перспектива развития болезни? Я не могу больше оставаться, дела и здоровье не терпят отлагательства. приеду, когда понадобится.

– Дела не очень! То, что ее подлечили, это – предел. Вторичную вспышку болезни уже ничто не сможет погасить. Резервы организма, увы, исчерпаны. Так что дальше – сколько Бог даст, шансов выжить от повторного приступа не будет, медицина не поможет. До лета скорее всего доживет. Я не хочу, чтобы ты уезжала, мне придется бегать к ней.

– Я понимаю, но не могу. Можно нанять службу в соцзащите. Вообще-то она вполне обходится самостоятельно. А я не совсем здорова. Поездка повлияла так, что чувствую себя значительно хуже. А тут еще мелкие склоки, сплошной стресс. Так что, извините. Надо будет – вернусь, зовите.

В моей помощи Нина не нуждалась, продукты ей принесут, соседи помогут. За то время, что я жила у Нины, ничего не произошло такого, чтобы беспокоиться. Она ходила, лежала, пила лекарства, сама готовила еду, когда хотела, в общем, все нормально. И я со спокойной душой собралась в дорогу. Сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.